

УДК 94(47).082

О.А. Милевский

**ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НАЧАЛА 80-х гг. XIX в.:
БОРЬБА ВОКРУГ СОЗДАНИЯ ВЕСТНИКА «НАРОДНОЙ ВОЛИ»**

Рассматривается история создания заграничного печатного органа «Народной воли» – «Вестника «Народной воли». Анализируются позиции основных групп российской политической эмиграции относительно выработки идейной направленности и содержания «Вестника «Народной воли».

Ключевые слова: «Вестник «Народной воли», революционная эмиграция, политическая борьба, федерализм, заговорничество, социал-демократия.

Деятельность российской политической эмиграции в 70–80-е гг. XIX в. весьма активно изучалась и изучается отечественными историками [1]. Начало этой научной традиции было положено в 20–30-е гг. XX в. публикацией воспоминаний непосредственных участников тех событий [2–5]. Тогда же в историко-архивных журналах начали печатать разнообразные материалы из жизни революционной эмиграции [6].

Однако в 1935 г. после введения «сталинского табу» на изучение «Народной воли» практически свернули и все исследования по истории революционного народничества. К этой теме начали возвращаться только в конце 50 – начале 60-х гг. XX в. В контексте изучения различных аспектов деятельности народничества ученые начали уделять внимание и революционной печати. Достаточно назвать работы Б.П. Веревкина [7], Т.М. Кириченко [8], Е.Л. Рудницкой [9] и И.С. Вахрушева [10].

Значительное место в исследовании И.С. Вахрушева отводилось и вопросу об организации издания «Вестника «Народной воли» (далее «Вестник». – О.М.) [10. С. 183–211]. Эта же тема затрагивалась в монографиях Е.А. Таругуты о С.М. Степняке-Кравчинском [11. С. 265–281], и Б.С. Итенберга о П.Л. Лаврове [12. С. 210–243]. При этом нельзя не отметить, что работы советского периода отличала определенная односторонность, особенно это касалось оценки роли Л.А. Тихомирова в организации издания «Вестника». Как ни стремились авторы сохранять объективность, им приходилось считаться с расхожим мнением: «Л. Тихомиров – ренегат». В настоящее время, когда появилась возможность уйти от устоявшихся исторических клише и стереотипов, пред-

ставляется небезынтересным вернуться к вопросу о создании «Вестника» и более взвешенно оценить и проанализировать те политические баталии, которые велись вокруг него.

Вопрос о необходимости иметь свой заграничный печатный орган ставился Исполнительным комитетом (далее ИК. – О.М.) «Народной воли» еще в 1881 г. Это подтверждает письмо ИК П. Лаврову от 14(26) декабря 1881 г. В нем П. Лаврову и С. Кравчинскому предлагалось возглавить будущую редакцию издания и указы-валось: «Было бы желательно, чтобы редакция представляла из себя специальную группу, входящую в состав общей организации «Народной воли», и, как все другие специальные группы, состояла бы в подчиненном отношении к центру организации» [13. С. 322].

Архивные данные свидетельствуют, что идея организации заграничного народо-вольческого органа вызвала активную переписку между эмигрантами и ИК. Во многом это было связано с тем, какой резонанс в кругах политической эмиграции произвело знаменитое письмо ИК «Народной воли» заграничным товарищам, написанное в конце 1881 г., как установлено графологической экспертизой, рукой Л. Тихомирова [13. С. 387]. В нем разъяснялись программные и тактические установки «Народной воли», и, по мнению большинства эмигрантов, оно фактически представляло будущую идейную платформу издания. В частности, в письме указывалось, что «сначала и до конца народо-вольство было направлением немедленного действия, государственного переворота». Много места в тексте отводилось обоснованию идеи захвата власти с

помощью заговора и вытекающих из этого вопросов о федерализме и якобинстве, использовании террора как метода борьбы, отстаивалась идея внутренней организации партии на основе централизма и единомыслия [13. С. 315–322].

Естественно, не все пункты вышеприведенного письма устроили эмигрантов. Тезис о захвате власти вызвал резкое неприятие группы Г. Плеханова. И даже более толерантный к программным расхождениям С. Кравчинский в своем ответе прямо указывал, что «не согласен с одним из ваших основных воззрений – именно с централизмом». Причем он видел в этом вопросе опасность для будущего издания: «Я думал, что этот жизненный вопрос о централизме и федерализме так и останется про запас для будущего. Но получилось, что он всплыл гораздо раньше, чем даже начался журнал. Здесь за границей начнется вскоре ожесточенная полемика по этому вопросу. Так как я считаю его самым жизненным из всех наших вопросов, то для меня было бы просто постыдно не вмешаться в эту полемику» [14].

Хотя сам С. Кравчинский не отказывался от участия в редакционной работе, тем не менее он считал нужным подчеркнуть, что «в случае если бы Вы считали мое сотрудничество существенным для журнала. (Пишу это только потому, что Вы ко мне и Лаврову обратились для организации этого дела.) Мое теоретическое расхождение с Вами ни на одну йоту не ослабляет моего пламенного желания служить тому делу, которое Вы олицетворяете, всеми силами и всеми средствами, находящимися в моем распоряжении... Возможные же разногласия с редакцией никакого препятствия в этом составить не могут потому, что я взял бы исключительно историко-беллетристический отдел, стоящий вне всяких принципиальных распрей» [14. Л. 5].

И после гибели «великого ИК» «Народной воли» разговоры о необходимости иметь солидный печатный орган за границей не стихали. Отзвуки переговоров по данному вопросу отчетливо звучали в переписке П. Лаврова и Г. Плеханова, которого П. Лавров очень хотел привлечь к работе. Хотя сам Г. Плеханов высказывал сомнения по этому поводу, аргументируя их несхожестью политических взглядов. В письме, датированном ранней весной 1882 г., Г. Плеханов писал: «Вы знаете мой образ мыслей, могу Вас уверить, что он не переменялся с того времени,

как я оставил Париж. Если мы не оттеняем, не указываем на свои разногласия в письме, то это объясняется тем, что мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть «народовольчество» на надлежащую дорогу, повторяю, я говорю это только Вам» [15. С. 90].

Тем не менее несмотря на объективные трудности и идеологические расхождения, скорейшая реализация этого проекта казалась революционерам как никогда необходимой. Ситуация, пусть и не сразу, начинает меняться после приезда в конце августа 1882 г. в Женеву Л. Тихомирова. Поначалу он, по его собственным словам, хотел дистанцироваться от активной политической эмиграции, уйдя в частную жизнь, и заниматься только легальным литературным трудом. Но неумолимая логика революционной борьбы вскоре вновь толкнула его в гущу событий. Это и неудивительно. Ведь на него, а также на М. Оловенникову (Полонскую) смотрели как на единственных крупных представителей народовольческого центра. Вера же в силу и возможности «Народной воли» тогда в радикальных кругах Европы была очень высока. Взгляды русских эмигрантов, европейских социалистов и радикалов всех мастей были обращены в ее сторону.

В качестве иллюстрации подобной позиции стоит привести фрагмент из письма Г. Лопатина М. Оловенниковой от 20 сентября 1882 г. В нем Г. Лопатин рассказывал о встрече с Ф. Энгельсом. «Он (Ф. Энгельс. – О.М.) также считает (как К. Маркс и я), – пишет Г. Лопатин, – что задача революционной партии, или партии действия в России в данную минуту не в пропаганде нового социального идеала и даже не в стремлении осуществить этот далеко не выработанный идеал с помощью составленного из наших товарищей Временного правительства, а в направлении всех сил к тому: 1) чтобы или принудить Государя созвать Земской собор; 2) или же путем «устрашения» Государя и т.п. вызвать такие глубокие беспорядки, которые привели бы к созыву этого собора или чего подобного».

В заключительной фразе письма Г. Лопатин прямо цитировал Ф. Энгельса: «Все зависит от того, что будет сделано в ближайшее будущее в Петербурге, на который устремлены ныне глаза всех мыслящих, дальновидных и проницательных людей целой Европы... Россия – это Франция нашего века. Ей законно и правомерно принад-

лежит революционная инициатива нового социального переустройства». Сам же Г. Лопатин считал, что «по части «устрашений», надо направить все силы на «барина» (царя. – *О.М.*): или его или никого. После 1 марта все остальное было бы слишком мелко» [16. Л. 1–2]. Естественно, что Л. Тихомиров оказался в центре внимания эмиграции как крупнейший теоретик и идеолог партии. Высокая самооценка и заметное тщеславие, присущие Л. Тихомирову, получили в этот период времени изрядную подпитку. Обратим внимание и на тот факт, что бывшие противники народовольцев из среды эмигрантов (П. Аксельрод, Г. Плеханов и др.) также пытались завязать отношения с «Народной волей». И в этот момент, как нельзя кстати, на революционной сцене вновь появляется народоволец В. Голдовский (В. Иохельсон) с деньгами и идеей издать «Календарь «Народной воли» [17], вновь поставив вопрос о выпуске печатного органа народовольцев за границей. Как известно «Календарь» был выпущен в конце 1883 г. под редакцией П. Лаврова, Л. Тихомирова и С. Кравчинского. Его тираж составил 1000 экземпляров [17. С. 49].

Таким образом, мысль об издании «Вестника» захватила и Л. Тихомирова, снова оказавшегося в эпицентре кипения революционных страстей. Он считал одной из важнейших задач будущего печатного органа сплочение всех оппозиционных элементов в России и эмиграции под знаменами не узкопартийных, а общенациональных интересов. Именно эта задача, по его мнению, отвечала требованиям политического момента.

О желании принять участие в организации журнала Л. Тихомиров информировал П. Лаврова в письме из Женевы от 27 ноября 1882 г.: «Я лично желал бы тоже послужить для этого дела. К несчастью, я не имею до сих пор никакого формального отношения к журналу... Теперь мне не остается ничего другого, как просить редакцию дать мне у себя какое-либо место» [18. Л. 27]. Таким образом, как видим, намерения «старых» народовольцев и их более молодых товарищей в этом вопросе полностью совпали. Предполагалось также, что издание «Вестника» может стать дополнительным аргументом в оказании давления на правительство в случае возобновления переговоров между революционерами и правительством [19. С. 368–372]. При участии Л. Тихомирова дело пошло значительно быстрее. Способствовал этому, в первую очередь, его немалый

редакторский опыт. Свидетельство тому – полицейская справка, указывающая, что «Л. Тихомиров приложил все свои силы к поднятию совершенно тогда увядшей революционной литературы» [20. Л. 13]. Это полицейское донесение показало, что внимание заграничной агентуры вновь было привлечено к Л. Тихомирову как опаснейшему из политических эмигрантов.

Отметим, что до его приезда планировался следующий состав редакции: П. Лавров, Г. Плеханов и С. Степняк-Кравчинский. Хотя разница во взглядах между тем же Г. Плехановым и С. Кравчинским была очень существенной. Сам Г. Плеханов, надеявшийся в дальнейшем превратить издание в рупор своих идей, характеризовал эти политические расхождения следующим образом: «Между мной и Сергеем Михайловичем (С. Кравчинский. – *О.М.*) существует, как мне кажется, немаловажная разница в воззрениях: он что-то вроде прудониста, я – не понимаю Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из «Капитала» Прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли» [15. С. 90–91]. В настоящих условиях желание Л. Тихомирова принять участие в подготовке «Вестника» резко меняло всю диспозицию. Если раньше у Г. Плеханова серьезных теоретических противников не было, то теперь ситуация выглядела иначе, ведь Л. Тихомиров был признанным авторитетом в революционной теории. К тому же трудность участия С. Кравчинского заключалась в том, что он постоянно жил в Лондоне. Поэтому, первоначально дав согласие на сотрудничество, он впоследствии отказался войти в состав редакции. Формально это произошло из-за скандала с М. Драгомановым, опубликовавшим в «Вольном слове» статью, содержащую очень резкие нападки на народовольцев [11. С. 274].

Основная часть эмигрантской колонии объявила бойкот М. Драгоманову, прервав с ним всяческие отношения. С. Кравчинский в силу личных причин отказался присоединиться к бойкоту, и ему на собрании сотрудников «Вестника» в Женеве предъявили ультиматум (от лица редакции говорил Л. Тихомиров. – *О.М.*), гласивший, что он может войти в состав редакции только при условии разрыва всех отношений с М. Драгомановым, являющимся открытым и злостным врагом всего русского революционного

движения [21. С. 45–46.]. С. Кравчинский отказался и в редакцию так и не вошел. Однако представляется, что не только история с М. Драгомановым помешала С. Кравчинскому сотрудничать в «Вестнике». Свидетельство тому – более раннее его письмо к П. Лаврову, в котором он указывал: «С приездом Тигрыча (землевольческая кличка Л. Тихомирова. – *О.М.*) положение дел совсем меняется. Я становлюсь положительно лишним как редактор... у меня даже функции постоянной нет. Если помните, я хотел взять на себя внутренний отдел. Но теперь, согласитесь, что было бы просто смешно поручать его кому-нибудь, кроме Тигрыча» [22. Л. 39 об.]. И. Вахрушев обосновывал тезис о том, что объективной причиной отказа С. Кравчинского являлись его расхождения с народовольцами по вопросу о централизме, именно в этом он поддержал М. Драгоманова, критиковавшего «Народную волю» [10. С. 186]. Но из текста письма С. Кравчинского процитированного нами ранее, явствовало другое – несмотря на разногласия по ряду пунктов, он готов был к со-трудничеству в будущем издании, поэтому, на наш взгляд, вопросы теории здесь главной роли не играли.

В результате такого рода перестановок первоначальный состав редакции значительно изменился. Во многом из-за того, что ее члены исповедовали диаметрально противоположные взгляды на текущий революционный момент. Можно высказать предположение, что на первом этапе Г. Плеханов еще надеялся достичь с Л. Тихомировым хотя бы какого-то взаимопонимания. Тогда их позиции некоторым образом сближало неприятие федерализма, ревностным сторонником которого был С. Кравчинский. В письме П. Лаврову Г. Плеханов в тот период так обозначал свою позицию: «Боюсь, чтобы «Вестник» не связал меня еще больше, если он будет проповедовать федерализм. Я теперь решительный противник федерализма: по-моему, лучше якобинство, чем эта мелкобуржуазная реакция» [15. С. 91].

Однако дальнейшие события показали полную несовместимость политических воззрений Г. Плеханова и Л. Тихомирова. Вообще, представляется, что в целом более равнодушный к нюансам социалистической теории и тяготеющий к серьезным литературно-художественным занятиям С. Кравчинский был бы на посту редактора намного удобнее непреклонному и не терпящему возра-

жений Г. Плеханову, чем имевший твердые взгляды и умевший аргументированно их отстаивать Л. Тихомиров. Неудивительно, что вскоре, помимо программных расхождений, начали появляться и проблемы личного свойства. И вскоре по одну сторону баррикад оказались М. Оловенникова и Л. Тихомиров, которых между собой «плехановцы» называли «Павой» и «Протяжным», а по другую – Г. Плеханов и Л. Дейч. Особенное напряжение ощущалось во взаимоотношениях Л. Тихомирова и Л. Дейча, свидетельством тому – письма Л. Тихомирова: «Вы все думаете, что у меня личное раздражение, ей-богу нет, хотя, конечно, Евгений (кличка Л. Дейча. – *О.М.*) – это животное самое ехидное» [6. С. 44]. В чем-то Л. Тихомиров в отношении Л. Дейча оказался прав. Последний действительно не верил в прочность союза с народовольцами и в возможность как-то перенацелить их деятельность. Свидетельство тому – его переписка с П. Аксельродом. Так, в письме от 15 июня 1883 г. он подчеркивал, что «никогда народовольцы не сделаются сознательными социалистами, марксистами, а останутся бланкистами, энергичными и предприимчивыми революционными заговорщиками» [23. С. 167].

Представляется, что Л. Дейч с присущей ему финансовой сметкой хотел использовать средства, выделяемые на издание «Вестника», за неимением собственных, для пропаганды марксизма, а заодно и для того, чтобы поправить незавидное финансовое положение группы Г. Плеханова. Если же рассматривать их совместную работу на первом этапе, то позиция Л. Тихомирова видится даже более компромиссной, нежели плехановская. Но по мере приближения даты выхода первого номера журнала, фракции начали маневрировать в борьбе за положение и влияние в редакции. Так, Г. Плеханов, верный своим первоначальным устремлениям, попытался изменить название журнала на менее официальное. По-видимому, ему не очень импонировала перспектива работать под флагом организации, идейно ему совершенно чуждой. Он также решил внести определенный социал-демократический оттенок в объявление о выходе нового издания, в котором редакторами излагалась концепция целей и задач революционной партии [24. С. 119].

Ситуация обострялась еще и потому, что основные силы оппонентов «народовольческого» направления «Вестника» находились в Женеве,

там же проживало и семейство Тихомировых. Соответственно, по всем стратегическим вопросам Л. Тихомиров вынужден был сноситься с Парижем, что затягивало выработку ответных решений. Вот как он описывал переговоры в Женеве, на которых группа Г. Плеханова выступила с заявлением, что «они не хотят видеть журнал народо-вольческим... т.к. народо-вольчество не есть направление», в письме к П. Лаврову. «Я, – писал Л. Тихомиров, – старался поставить на вид, что народо-вольчество, как известный фазис развития революционного движения и мысли, имело, несомненно, известные основы и принципы, что, может быть (и с этим я согласен), не вполне выразило собственную формулу, но что было бы крайне странно отказывать ему даже в принципах, журнал, конечно, должен развиваться дальше и формулировать эти принципы, потому-то он и должен быть народо-вольческим. Но всем этим господам не нравится само слово «народо-вольцы» [25. Л. 24].

Противоречия, нараставшие, как снежный ком, в полном объеме проявились летом 1883 г., когда заканчивалась подготовка первого номера «Вестника». На сей раз, они упирались в организационную плоскость. Ввиду приближения срока выхода издания фракция Г. Плеханова настаивала на официальном объявлении о слиянии двух групп с изложением принципов нового объединения. Старые народо-вольцы понимали всю невыгодность для себя сложившейся ситуации. Получалось, что используя кризисное положение партии, которое к тому времени у людей сведущих сомнения не вызывало, но при этом опираясь на огромный авторитет той же «Народной воли» среди русского и европейского революционного движения, а соответственно, и на деньги, которые будут даваться под ее имя, «плехановцы» смогут через народо-вольческий орган проводить, по сути, антинародо-вольческие идеи, да еще и вести внутри организации фракционную борьбу. Как ни ослаблена была «Народная воля», как ни желательно было ей привлечь на свою сторону столь мощные интеллектуальные и литературные силы, как группа Г. Плеханова, на такие уступки Л. Тихомиров и его окружение идти не могли, да и не хотели.

Поэтому-то на переговорах о слиянии Л. Тихомиров и использовал пункт устава «Народной воли», который запрещал прием целой группы. Фракция должна сначала самораспуститься, а уже затем на индивидуальной основе состоялся бы прием в организацию. Причем надо признать, что

в таком предложении, поступившем от народо-вольческого центра, не было ничего необычного. Примером тому могут служить переговоры весной 1883 г. между парижским центром «Народной воли» и лидером польской партии «Пролетариат» Л. Варыньским. На этих переговорах М. Оловенникова и Л. Тихомиров настаивали на полном подчинении пролетариатцев народо-вольческому руководству, отрицая их права на какую-либо автономию [26. С. 417].

Тем не менее условие об индивидуальном вступлении в организацию вызвало бурную реакцию Г. Плеханова и его окружения. Ответом на это стало письмо Г. Плеханова, в котором он с возмущением восклицал: «С самого начала наших переговоров мы представляли, что соединение может произойти не иначе, как в виде слияния двух групп... Разбиться на атомы, чтобы быть ассимилированными организацией «Народная воля», мы не считали и не считаем возможным... Называться же редактором народо-вольческого журнала, не будучи народо-вольцем на самом деле, значило бы ставить себя в крайне двусмысленное и неудобное положение» [6. С. 41–42]. Впоследствии Л. Дейч приводил еще одну версию этого конфликта, указывая, что «названные представители доживавшей свои последние дни партии, вдруг заявили нам, что по их уставу нельзя сразу присоединять целую группу лиц, а лишь по одиночке каждого из нее. Иначе говоря, на присоединение одних из нас они могут согласиться, а других – нет. Мне не трудно догадаться, в виду некоторых обстоятельств ... они не желают, чтобы именно я присоединился к ним» [27. С. 102]. Действительно, выше уже говорилось о чрезвычайно натянутых отношениях между Л. Дейчем, с одной стороны, и Л. Тихомировым и М. Оловенниковой – с другой.

Возможно, последних настораживало и пугало в Л. Дейче желание использовать любые средства для достижения поставленной им цели. В памяти Л. Тихомирова могли всплывать и картина «процесса 193-х», на котором фигурировала искалеченная и обезображенная фигура Н. Гориновича, которого Л. Дейч и сотоварищи на Юге, заподозрив в предательстве в 1876 г., заманили на пустырь в г. Елисаветграде и попытались убить, ударив кистенем по голове, а затем облили его лицо серной кислотой, думая, что предатель мертв.

Но как бы то ни было, вышеприведенная острая реакция Г. Плеханова на вопрос о членстве

означала только одно: Л. Тихомиров разгадал их маневр и нанес удар по самому больному месту. Ответом Г. Плеханова стало ужесточение его позиции в оценке программных установок «Народной воли» в уже написанной им статье «Социализм и политическая борьба», первоначально одобренной редакцией. Теперь Г. Плеханов снабдил статью, и так имевшую явную социал-демократическую направленность, еще и историческим предисловием, где прямо называл «Народную волю» «самой революционной, но и самой беспринципной» из всех оппозиционных партий [28. С. 32].

Это уже прозвучало открытым вызовом редакции. Последовало бурное объяснение между «плехановцами» и М. Оловенниковой. В сложившейся ситуации Л. Тихомиров еще попытался достичь компромисса. Он в целом соглашался на публикацию статьи, предлагая лишь убрать или переделать ее историческую часть, подчеркивая, что «прав автор или нет в своих оценках, но в «Вестнике Народной воли» в первом номере довольно странно помещать такие исторические оценки, которые гласят, что «народовольчество было наиболее беспринципным направлением», и рекомендовать изменение программы в смысле отказа от захвата власти я бы тоже не решился» [29. С. 245].

Л. Тихомиров чувствовал, что соперники ведут свою игру, о чем и предупреждал П. Лаврова, являвшегося сторонником безусловного привлечения Г. Плеханова к редакционной работе: «Я вообще вывожу такое заключение, что они теперь после разговора с Мариной Никаноровной (Оловенниковой. – *О.М.*) прямо ищут разрыва и, раскаиваясь в том, что дали статьи раньше, берут их назад прямо преднамеренно: я уже говорил вам, что исторических оценок Жоржа (Плеханова. – *О.М.*) раньше не предполагалось; он их, очевидно, вставил нарочно, чтобы помешать принятию статьи; Аксельрод придумывается просто нахально, и, согласитесь, что всякая редакция, кроме нашей (по ее затруднительному положению), просто расхохоталась бы, если бы ей сотрудник ставил условием принятие статей другого сотрудника» [29. С. 248]. Все попытки П. Лаврова примирить стороны большого успеха не имели. Не сумел он смягчить и позицию Л. Тихомирова, который в письме от 3 августа 1883 г. прямо заявил: «Итак, уважаемый Петр Лаврович, это дело конченное. Хорошо или дурно, но

мы остаемся вдвоем, и теперь нужно скинуть с журнальных счетов одного очень ценного работника (Г. Плеханова. – *О.М.*). Мое мнение, что Евгений будет стараться вооружить его, как и всех своих, против нас, так что в будущем я предвижу только ухудшение отношений, хотя в данный момент мы с Г. Плехановым не поссорились, а только честно и благородно разошлись» [6. С. 50–51].

Развивая свои мысли в дальнейшей переписке, Л. Тихомиров предлагал руководствоваться осознанием того факта, что «журнал должен быть органом объединения русских революционеров, а не просто полутора десятка эмигрантов, и нам не должно забывать, что мы не в России и наши отношения не есть еще отношения русских фракций. Если мы будем служить центром (конечно, нравственным) русских, то есть в России действующих революционеров, то наша цель достигнута» [29. С. 250]. Исходя из состояния момента, Л. Тихомиров предлагал: «1) статьи Г. Плеханова не принимать, если он не захочет выкинуть или изменить историческую часть; 2) П. Аксельрод пускай поступает, как угодно, на его письмо можно ответить, что он введен в недоразумение касательно отношения к ним редакции, сотрудничество Жоржа нам крайне желательно, но, конечно, не всякую статью мы можем принять; 3) на следующую книжку, да и вообще до тех пор, пока мы не будем иметь твердой почвы в России, не рекомендовать статей вроде «Принципов Народной воли» и т.д. [29. С. 251]. То есть в сложившейся ситуации Л. Тихомиров проявил себя как настоящий лидер партии, четко знающий, чего он хочет добиться, и прямо идущий к цели. Он оказался прав и относительно дальнейшего ухудшения отношений между фракциями, как и в том, что руку к этому приложит Л. Дейч. Впрочем, в это же время произошла история с перехватом письма, в которой поведение самих народовольцев в отношении «группы Плеханова» этичным тоже не назовешь. Справедливости ради отметим, что большая часть вины лежит на партийном центре, действовавшем в России.

Там народовольцы перехватили письмо Я. Стефановича, близкого к группе Г. Плеханова, и переслали его за границу, но не Л. Дейчу, которому оно было адресовано, а в Париж М. Оловенниковой. Информация о письме дошла каким-то образом и до Л. Дейча, который отправился к

Л. Тихомирову и обвинил последнего в его присвоении. Резкие требования отдать письмо сопровождались угрозами третейским судом и достаточно нелицеприятными высказываниями в адрес народовольцев. Ничего не знавший Л. Тихомиров попросил отсрочки, чтобы связаться с Парижем, но его уже опередили Л. Дейч с Г. Плехановым, сами поехавшие во Францию к М. Оловенниковой и П. Лаврову. Признав факт перехвата письма в России, последние отрицали наличие письма у себя, но заверили, что свяжутся по этому поводу с «русскими товарищами». В конце концов запутанная история с письмом подошла к логическому концу – его переслали на имя Л. Тихомирова в Женеву, а также ему, видимо, поручили взять расписку о передаче письма в руки коллег по «революционному цеху», что он в точности и исполнил. Но его визит к Г. Плеханову да еще просьба о расписке вызвали настоящую истерику у последнего, обвинившего Л. Тихомирова во всех смертных грехах и сравнившего поступок народовольцев с деятельностью тайной полиции [6. С. 51].

Бурное выяснение отношений между Г. Плехановым и Л. Тихомировым состоялось в конце августа 1883 г. и, по существу, расставило все точки над *i*. О совместной деятельности не могло быть и речи. Практически сразу же после истории с письмом Л. Тихомиров потребовал у Л. Дейча сдать дела по техническому руководству журналом Я. Френкелю, человеку «народовольцев», а 12 сентября разрыв завершился объявлением «плехановцами» о создании группы «Освобождение труда» и ее печатного органа – «Библиотеки современного социализма» [24. С. 121].

В своем письме, датированном концом сентября 1883 г., Г. Плеханов так разъяснял свою теперешнюю позицию П. Лаврову: «Я с своей стороны, сотрудничать у Вас (а не у Долинского (имя, под которым жил Л. Тихомиров. – *О.М.*) не прочь, но не знаю, удобно ли это будет для Вас? Мне очень жаль, что редактируемый Вами [журнал] есть Вестник Народной Воли. История, по поводу которой мы ездили в Париж (а наша поездка оправдала вполне наши подозрения), отняла у меня всякое уважение не к «партии», конечно, а к людям, ее здесь представляющим... Напишите мне Ваше мнение... Вспомните при этом, что нам ничего другого не оставалось делать» [15. С. 98].

Так окончилась попытка объединения двух столь разных по идейным установкам групп. Масштаб разногласий между ними был огромным и не допускал возможности какого-либо долговременного и прочного союза. Наиболее отчетливо это видели самые непримиримые антагонисты – Л. Дейч и Л. Тихомиров. Каждый из них смотрел на возможный союз двух противоположностей с точки зрения утилитарного интереса, желая использовать для достижения нужного результата своих политических противников. Л. Дейч, а за ним и остальные «плехановцы» хотели эксплуатировать популярность «Народной воли» для пропаганды идей социал-демократии. В свою очередь, Л. Тихомиров и его окружение намеревались воспользоваться литературным талантом Г. Плеханова, а также связями и организационными возможностями его группы, не предоставляя им при этом какой-либо самостоятельности в «Народной воле». После демарша «плехановцев» в основу программы издания безоговорочно легли положения, высказанные Л. Тихомировым в уже упоминаемом выше «Письме ИК «заграничным товарищам», то есть декларировались идеи государственного переворота в качестве главного направления народовольчества. Поскольку же считалось, что Россия находится накануне революции, основная цель организации виделась в подготовке самого переворота, следовательно, задачей дня становился организационный вопрос. «Собирание, развитие, организация активной силы составляют, значит, главнейшую нашу задачу. Этой цели подчиняется у нас все», – говорилось в письме [13. С. 316].

Разрыв внес определенное успокоение в редакционные дела, хотя и породил трудности в связи с замещением материала, изъятого Г. Плехановым и К. Вот тут-то и пригодился опыт и журналистский талант Л. Тихомирова, безоговорочно взявшего дела «Вестника» в свои руки. Об особой роли Л. Тихомирова в подготовке издания «Вестника» свидетельствовала хорошо знакомая с ситуацией изнутри Г. Чернявская: «А «Вестник «Народной воли»? Без него (Л. Тихомирова. – *О.М.*) мог быть каким угодно «Вестником», но «Вестником «Народной воли» он был только благодаря ему» [30. Л. 1 об.]. И наконец, после стольких передраг в ноябре 1883 г. увидел свет № 1 «Вестника» тиражом в 1000 экземпляров с передовой статьей Л. Тихомирова «Новое царствование». В ней он в резких тонах

отзывался о начале царствования Александра III, не прибавив ровным счетом ничего нового к обычной для революционных кругов критике внутренней политики нового самодержца, обвиняя его в реакционности и приводя многочисленные факты полицейского произвола в России [31].

В заключение отметим, что всего было выпущено 5 номеров журнала. Издание было прекращено в конце 1886 г., в период, когда «Народная воля» уже агонизировала и после разгрома силами русской заграничной агентуры женевской типографии, где печатался «Вестник» [32].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Киперман А.Я.* Разночинская революционная эмиграция (1861–1895). Тамбов, 1980.
2. *Дейч Л.Г.* Русская революционная эмиграция 70-х гг. Пг., 1920.
3. *Тихомиров Л.А.* Воспоминания. М.; Л., 1927.
4. *Русанов Н.С.* В эмиграции. М., 1929.
5. *Бах А.Н.* Записки народовольца. М., 1931.
6. *Дейч Л.Г.* О сближении и разрыве с народовольцами // Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 5–55.
7. *Вережкин Б.П.* Русская нелегальная революционная печать 70-х и 80-х годов XIX века. М., 1960.
8. *Кириченко Т.М.* Из истории русской революционной периодической печати 80-х гг. XIX века. М., 1972.
9. *Рудницкая Е.Л.* Русская революционная мысль. Демократическая печать, 1864–1873 годы. М., 1984.
10. *Вахрушев И.С.* Очерки истории революционно-демократической печати 1873 – 1886 годов. Саратов, 1980.
11. *Таратута Е.А.* С. М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973.
12. *Итенберг Б.С.* П.Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988.
13. *Революционное народничество: Сб. документов и материалов.* М.; Л., Т. 2. 1965.
14. *Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).* Ф. 1158. Оп. 2. Ед.хр. 9.
15. *Письма Г.В. Плеханова П.Л. Лаврову // Дела и дни.* 1921. № 2.
16. *РГАЛИ.* Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 898.
17. *Иохельсон В.И.* Календарь «Народной воли» // Сб. «Музей революции». № 1. М., 1923. С. 44–51.
18. *Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).* Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 568.
19. *Тихомиров Л. А.* Тени прошлого. М., 2000.
20. *ГА РФ.* Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 134.
21. *Дейч Л.Г.* С.М. Кравчинский. Пг., 1919.
22. *ГА РФ.* Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 425.
23. *Группа «Освобождение труда».* М., Вып. 1. 1923.
24. *Самуэль Х. Бэрн.* Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998.
25. *ГА РФ.* Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 568.
26. *Волк С.С.* Народная воля. 1879–1882 гг. М.; Л., 1966.
27. *Дейч Л.Г.* Приложение // Дела и дни. 1921. № 2.
28. *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба // Собр. соч. Т. 13. М., 1928.
29. *Группа «Освобождение труда».* Вып. 3. М.; Л., 1925.
30. *РГАЛИ.* Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 982.
31. *Тихомиров Л.А.* Новое царствование // Вестник «Народной воли». 1883. № 1. С. 28–121.
32. *Чернявская–Бохановская Г.Ф.* Из истории борьбы русского самодержавия с «Народной волей» за границу // Каторга и ссылка. 1930. № 4. С. 95–99.